

Б. И. Чибисов**ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ
ПОГОСТОВ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ В КОНЦЕ XV в.¹**

Статья посвящена анализу этнического состава населения северо-западных погостов Новгородской земли по данным топонимии и антропонимии писцовой книги Водской пятины 1499/1500 г.

Ореховский уезд имел несколько областей, в которых концентрировалась прибалтийско-финская ойконимия и антропонимия. Это Корбосельский погост в северном Приневье; Лопский и Теребужский погосты в южном Приладожье, а также Дудоровский и Ижорский погосты к югу от Невы. Археологические источники фиксируют значительное присутствие там древностей ижоры. В северном Приневье и южном Приладожье отмечается присутствие карелов. По южному побережью Ладожского озера находились погосты Ладожского уезда, где также встречается прибалтийско-финская ойконимия. Её доля сокращается к востоку, по направлению к городу Ладоге. Анализ описания Копорского, Ямского и Новгородского уездов Водской пятины позволяет сделать вывод, что прибалтийско-финская ономастическая традиция концентрировалась в Толдожском и Каргальском погостах. Эта область ограничивается долинами рек Толдоги, Сумы и Систы, северо-западной частью Ижорского плато и Сойкинскими высотами. Толдожский, соседний Ополецкий и отчасти Каргальский погосты, судя по археологическим данным, были местом компактного расселения води. Славянские именованья преобладали на всем пространстве Водской пятины. В деревнях и селах, где проживало прибалтийско-финское население, существовала так называемая децимальная система, низшей руководящей прослойкой которого были десятские. Как показывают антропонимия и ойконимия, некоторые десятские принадлежали к води и ижоре. В середине XV в. у води и ижоры имеется своя знать, именуемая по новгородскому образцу «боярами». Эта знать наряду с жителями, обитавшими по реке Луге, оказывается инкорпорированной в новгородскую военную и социально-политическую систему. Место финноязычной знати определяется как подчиненное по сравнению с горожанами Новгорода.

Ключевые слова: Новгородская земля, Водская пятина, писцовые книги, прибалтийско-финские народы, водь, ижора, карелы, ономастика, антропонимия, топонимия.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-3-528-539

Северо-западные новгородские земли, входившие в конце XV столетия в состав Водской пятины, исторически связаны с прибалтийско-финскими этническими группами: ижорой, водью и карелами. Попытки охарактеризовать этническую ситуацию в погостах Водской пятины, расположенных южнее Корельского уезда, неоднократно предпринимались в историографии. Результаты подсчетов прибалтийско-финских имен и патронимов по писцовым книгам конца XV в. встречаются в работах С. С. Гадзяцкого, О. И. Коньковой и А. Г. Новожилова. О. И. Конькова в своей монографии воспроизводит результаты вычислений С. С. Гадзяцкого [Гадзяцкий 1947, 4; Конькова 2009, 59]. Из существующих работ неясно, какие антропонимы и по какому критерию авторы относят к прибалтийско-финским. Исследователи приводят долю носителей прибалтийско-финских имен в Водской пятине конца XV в., но остается неизвестным общее число «людей», из которого высчитываются проценты. Отсутствие целостного взгляда на ономастический материал северо-запада Новгородской земли требует специального обращения к этой теме.

Главный источник данных ономастики применительно к Водской пятине конца XV в. – писцовая книга 1499/1500 г. [НПК 1868; ПОКНВП 1851], в которой отмечены различные типы прибалтийско-финских названий поселений: в основе «вторичных» ойконимов находились названия географических объектов, распространившиеся на образованные при них поселения (деревня в *Лакте* < фин., карел. *lahti* «залив»). В другой группе ойконимов находятся названия, восходящие к географическим терминам (*Сарь* < карел. *suari* «остров»). Отмечались ойконимы, в структуре которых находится прибалтийско-финский *-l*-овый формант (*Кургала*). Прибалтийско-финские антропонимы выявлены на основе

¹ Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований РАН «Историческая память и историческая идентичность» по проекту «Этническое взаимодействие и становление древнерусской государственности (IX – первая треть XIII вв.)».

анализа показателей заимствования антропонимов. Формальными показателями являются: 1) сочетание звуков, не характерных для русской звуковой системы, переданных в текстах графически: кк, лл, нн, пп, рр, тт, вг, вк, гп, лг, мб, мп, мк, нг, нж, нт, рг, рл, хк, ге, ги, гю, гя, ке, ки, кю, кя, хе, хи, хя (данные сочетания действуют также применительно к топонимам); 2) структурный маркер – формант -уй (-ой, -ей, -ий). Среди неславянских антропонимов особую группу составляют некалендарные имена прибалтийско-финского происхождения, такие, как *Вихтуй, Игала, Лембит, Ускал, Тоивод*.

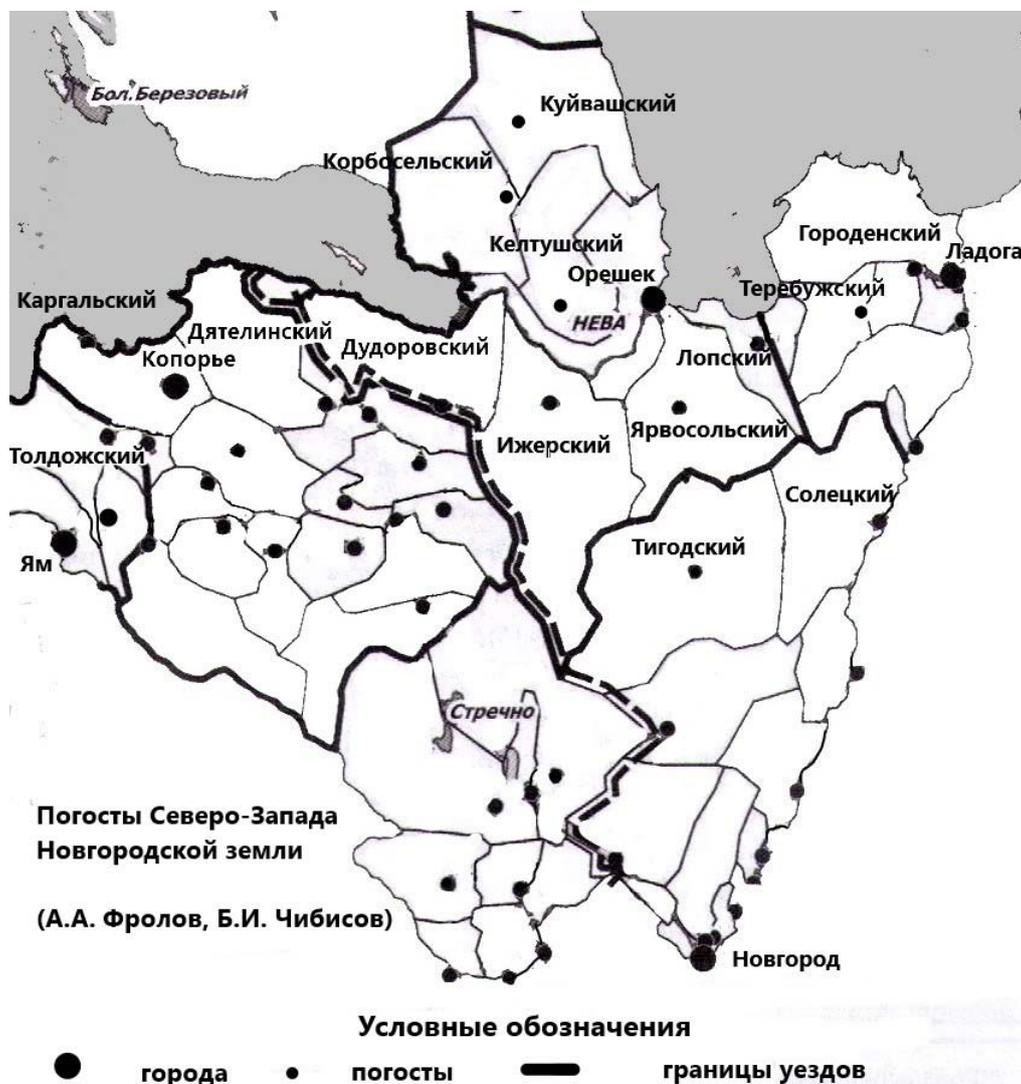

Рис. Погосты Северо-Запада Новгородской земли

Ореховский и Ладужский уезды

Ореховский уезд охватывал Карельский перешеек, юго-западное и южное Приладожье, северное и южное Приневье, а также юго-восточное побережье Финского залива. Ономастический материал писцовой книги практически полностью представлен в городе Орешке и его ближайшей округе календарными именами в славянской форме. При этом писцовая книга упоминает нескольких жителей города с финноязычными антропонимами: *Власко* и *Макарко Тялякины, Ивашко* и *Микифорик Соткуевы*. Последние владели несколькими деревнями на территории Куйвашского погоста Ореховского уезда. О присутствии карелов и ижоры в городе Орешке говорят археологические источники [Кильдюшевский 2008; Сорокин 2006, 95]. В городской округе Орешка – Городенском погосте – доля деревень с прибалтийско-финскими названиями невелика и достигает 4,5 % (село *Лакта, Ахкуево, Тяллекино, Валитово*). Носители неславянской антропонимии в Городенском погосте составляли также незначительную долю от общего числа записанных жителей погоста – 2,2 %. Можно считать,

что в центре Ореховского уезда преобладали славяне, хотя прослеживается и некоторое присутствие финноязычных народов.

В северном Приневье располагались 3 погоста Ореховского уезда. Их названия имеют финноязычную основу: Куйвашский (карел. *kuivu* «сухой»), Корбосельский (*korpiselkä* «лесистая гряда» < фин. *korpi* «тайга, чаща», *selkä* «хребет, гряда») и Келтушский (*Keltto* < карел. *keldaine* / фин. *keltainen* «желтый») [Кирсанов 2007, 214]. О давнем присутствии неславянского населения в этом регионе свидетельствует топонимия. Так, в Куйвашском погосте записано 66 (24 %) прибалтийско-финских ойконимов. Помимо наименований поселений с *-l*-овым формантом (*Пяяла, Путкола, Варчела, Рандала* и др.), здесь обнаруживаются ойконимы, связанные с озерами и реками. Деревни, расположенные по берегам рек и озер с неславянскими названиями, как правило получали в качестве именованья гидроним, причем ойконимы в таком случае могли повторяться – *Мустела* (2), *Валоярва* (2), *Кайлегала* (4), *Вярчела* (4), *Гарбола* (8). Имелись и смешанные названия, состоящие из прибалтийско-финского и славянского элементов: *Бородулино Вилякино, Игнатово Кайлегола, Кайлегола Макарово, Нуларва Олехново*.

Неславянская ойконимия Келтушского погоста (21 название) составляет 25 % дошедшей до нас ойконимии погоста, причем многие названия деревень повторяются: *Гимокала* (2), *Токсово* (4), *Пурноселка* (5), *Кяхкома* (7). Такие повторения обусловлены расположением деревень по берегам рек и озер. Если происходило перенесение гидронима на близлежащую группу поселений, то ойконимы могли заноситься в писцовую книгу в различных вариантах: так, на озере *Токсовом* располагались деревни, записанные как *Токсова у озера у Токсова, Токсово, Токсово ж над озером над Токсовым, Токсово ж над Токсовым в конце*.

В Корбосельском погосте Ореховского уезда насчитывается 52 ойконима с прибалтийско-финскими основами; они составляют 37 % ойконимии погоста. Особенно многочисленны здесь также наименования деревень, образованные от гидронимов. Гнезда поселений были на *Аввале* (3), *Лопале* (4), *Мендосари* (4), *Рогме* (4), *Кавгале* (5), *Валгасари* (6), а также на *Токсовом* (2) и *Гитольском* озерах (7). Более высокая доля финноязычных ойконимов в Корбосельском погосте обусловлена тем, что этот погост, расположенный на побережье Финского залива, наиболее удален от центра уезда, где преобладало славянское население.

Носители прибалтийско-финских имен концентрировались в Корбосельском (26 человек; 7 %) и Куйвашском (15 человек; 3 %) погостах Ореховского уезда. По преимуществу эти именованья представлены в форме патронимов, которые сочетались с календарными личными именами в славянской форме, например: *Стехно Илмуев, Олферко Вигутов, Кирилко Вилякин, Степанко Игалов* и др. Носителями таких имен были крестьяне. Единственный раз упоминаются помещики – *Ивашко* и *Офонас Соткуевы*. Писцовая книга не содержит указаний на прибалтийско-финские антропонимы в Келтушском погосте. Таким образом, среди погостов северного Приневья явно выделялся Корбосельский погост, где наблюдается корреляция между значительной долей топонимии и антропонимии.

Данные неславянской ономастики сами по себе не позволяют точно определить этнические группы, которые освоили территории к северу от Невы. Можно лишь в целом утверждать, что здесь явно прослеживается присутствие финноязычных народов. Одной из этнических групп были, по всей видимости, карелы. Так, в Куйвашском погосте упомянуты два носителя прозвища *Корелянин* (*Кирилко Корелянин, Федко Корелянин*). Куйвашский погост непосредственно граничил с Корельским уездом, имевшим свою этническую специфику. По этой причине носители прозвища *Корелянин* вполне могли быть *карелами*. Географическое положение Корельского уезда создавало благоприятные условия для миграций карелов на юг, в Ореховский уезд. На территории Карельского перешейка мало возвышенных, пригодных для земледелия участков. Из Корельского уезда, который был густозаселенным регионом, отток населения шел не только на север. Миграционный поток направлялся и на юг, в долину Невы; это также заселенные территории, но обладавшие более высоким хозяйственным потенциалом по сравнению с Карельским перешейком [Новожилов 2000, 71]. Куйвашский погост – это пограничная территория корельских погостов с «ижорскими» погостами южного Приневья. В соседнем, Корбосельском погосте, записаны два *Ижерянина* (*Лучка Ижерянин, Василь Ижерянин*). О проживании в Приневье ижоры свидетельствуют археологические источники. Бассейн Невы входит в географию распространения средневековых могильников ижоры [Конькова 2009, 34–42; Сорокин 2006, 95; Сорокин 2008, 89]. Таким образом, на территории северного Приневья прослеживается давнее присутствие *ижоры* и *карелов*.

На южном побережье Ладожского озера, по течению рек Назии, Шельдихи и Лавы (Лавуи), располагался Егорьевский Лопский погост Ореховского уезда. Западная граница погоста доходила до

Орешка, южное предградие которого именовалось *Лопской стороной*. Кроме того, в состав соседнего Ладожского уезда входила волость *Лопца*. Географически волость располагалась на реке Лаве и юго-западном заливе Ладожского озера. По мнению А. Г. Новожилова, Лопский погост Ореховского уезда и Лопца представляли собой периферию прибалтийско-финской антропонимической традиции и, следовательно, расселения прибалто-финнов [Новожилов 2000, 83]. Однако данные ойконимии говорят об обратном. При 7 прибалтийско-финских антропонимах здесь насчитывается 62 ойконима, большинство которых (43) имеет в своей структуре прибалтийско-финский формант *-la*: *Вихкала*, *Тяврела*, *Гахкола* и др. Остальные названия поселений были образованы от антропонимов (*Ретуево*, *Алуево*, *Ингуево Таруй*) и гидронимов (деревня в *Сосари*, *Сосарь Каврола*). Любопытно название деревни *Арбуево*: вероятно, его происхождение непосредственно связано с понятием «арбуй», обозначавшим «чудских» языческих жрецов, которых упоминает в своей грамоте архиепископ Новгородский Макарий [ДАИ 1846, 28]. В общей сложности неславянская ойконимия представляла 47 % всей ойконимии Лопского погоста.

К востоку от Лопского погоста, по южному побережью Ладожского озера, находились погосты Ладожского уезда, где также встречается прибалтийско-финская ойконимия. Её доля сокращается к востоку, по направлению к городу Ладоге. Так, в Теребужском погосте Ладожского уезда отмечается 44 % неславянских названий деревень. В Песочном погосте таких названий 27 %, в Городенском – 17 %. Отдельные названия встречаются в Михайловском «на пороге» погосте. Таким образом, присутствие финноязычных народов в южном Приладожье подтверждается на уровне ойконимии.

В самой Ладоге 137 человек, записанных в писцовую книгу, имели календарные имена в славянской форме, что может быть связано с количественным преобладанием славян в городе и его округе. Славянское население стягивалось в Ладогу для проведения строительных работ в крепости. Археологически подтверждается, что к 90-м гг. XV в. посадская застройка Ладоги расширяется на 20 % [Кирпичников 1984, 67]. При этом писцовая книга показывает, что количество дворов здесь увеличилось на 28 при уменьшении численности населения Ладоги на 37 человек [НПК 1868, 957].

Этническая принадлежность жителей южного Приладожья и в особенности Лопского погоста остается предметом дискуссий. Это связано с тем, что в основе названия погоста лежит этноним *лопь*, обозначающий *саамов*. Между тем, топонимия погоста имела явные несаамские особенности, которые заключались в прибалтийско-финском *-l*-овом форманте. Анализ топонимии Лопского погоста позволил А. И. Попову предположить, что население этой территории к началу XVI в. уже не было саамским, однако историческая память о *лопи* сохранилась в названии погоста [Попов 1981, 108]. Противоречие между *Лопским* наименованием погоста и не саамской его топонимией не смутило А. Н. Кирпичникова, который отождествил приладожскую *лопь* и *саамов* [Кирпичников 1984b, 138]. Е. А. Рябинин назвал регион южного Приладожья «Лопской землей» [Рябинин 1997, 62]. В. С. Кулешов на основании топонимических данных предположил, что «лопь» была носителем одного из вымерших условно-самостоятельных прибалтийско-финских языков, который автор назвал «лопским». По его мнению, именно носители этого прибалтийско-финского языка освоили территорию южного Приладожья и сформировали обширный топонимический комплекс, отразившийся в тексте писцовой книги [Кулешов 2001].

По данным топонимии писцовых книг сложно определить, какая именно этническая группа оставила *-l*-овый топонимический пласт. Можно лишь утверждать, что в конце XV в. южное Приладожье было районом расселения нескольких прибалтийско-финских этнических групп, скорее всего карелов и ижоры. Карелы проникали в Приневье с севера. Видимо, они продвигались дальше, в южное Приладожье, поскольку в Лопском погосте упоминаются такие ойконимы, как *Гухта Карельская* и *Карьяла на речке на Сосари*. Названия связаны с прибалтийско-финским словом *Karjala*. Карельское происхождение прослеживается у ойконима *Ликкуево*. Наличие геминаты (удвоенного согласного) рассматривается как свидетельство карельских истоков топонимии, поскольку геминированные согласные – характерная особенность карельской фонетики [Захарова 2015, 131].

Некоторую информацию дают археологические источники, хотя на пространстве между Ладогой и Орешком памятники средневековья оставались практически не выявленными вплоть до начала XXI в. На территории, относящейся к Лопскому погосту, был найден ряд памятников прибалтийско-финских типов XII–XIII вв. Эти находки, связанные с ижорой, были открыты в деревнях Путилово, Мучихино, Лукинское, Подолье и Городище Ленинградской области. Восточнее, в междуречье Лавы и Волхова, в деревне Пупышево, также обнаружены ижорские средневековые предметы [Сорокин 2008, 90]. Кроме того, Лопский погост расположен недалеко от Невы, бассейн которой является зоной широкого распро-

странения ижорских древностей. Это дало основание О. И. Коньковой высказать тезис о том, что ижора проживала не только в Приневье, но и в южном Приладожье, до реки Лавы [Конькова 2009, 41]. Можно предположить, что ижора проживала в южном Приладожье наряду с карелами.

Несмотря на то, что в южном Приладожье в конце XV в. прослеживается карельско-ижорское население, на этой территории могли проживать немногочисленные представители саамов. Об этом косвенно говорит название *Лопского* погоста, а также прозвище *Лопин*, упоминаемое в Лопском погосте Ореховского уезда (*Потаи Лопин*) и в Городенском погосте Ладожского уезда (*Гурейко Лопин*). С этой группой этнонимических прозвищ косвенно связан патроним *Лопков* из Ярвосольского погоста. Прозвища вряд ли указывают на принадлежность их носителей административной единице – Лопскому погосту. Сложно также непосредственно связать прозвище *Лопин* с волостью Лопцой, тем более, что это мнение не подтверждено аргументацией [Новожилов 2004, 86]. В том случае, если бы прозвище *Лопин* указывало на место рождения или принадлежность определенной области, то в этом конкретном антропониме присутствовал бы формант *-ец* (*Лопинец*). Поэтому более вероятно, что прозвание *Лопин* восходит к этническому наименованию «лопь», обозначающему саамов [Кюршунова 2010, 313]. Таким образом, район фиксации *Лопинов* – южное Приневье и южное побережье Ладожского озера. В этой связи можно согласиться с А. И. Поповым в том, что название Лопского погоста – это, скорее всего, фиксация исторической памяти о саамском населении, некогда проживавшем в южном Приладожье.

Самым крупным погостом Ореховского уезда и вообще Северо-Запада Новгородской земли был Ижорский погост. Его площадь составляла более 2000 км² и охватывала бассейны притоков Невы: Ижоры, Тосны, Славянки, Волковки, – а также южную часть невиской дельты. В конце XV в. в Ижорском погосте проживало около 5500 человек [Новожилов 2000, 52]. Крупными были и соседние погосты: Ярвосольский и Дудоровский. В Дудоровском, располагавшемся на побережье Финского залива, насчитывается 56 ойконимов, имеющих отчетливые прибалтийско-финские корни: они составляют 40 % от всех ойконимов Дудоровского погоста. Среди наиболее распространенных названий поселений – ойконимы на *-ла* (*Витала*, *Покола*, *Сатула* и др.). Многочисленны названия, образованные от антропонимов: *Мохкуево*, *Тоивалово*, *Пелгуево* и др. В этом же погосте записаны 54 человека с прибалтийско-финскими антропонимами (8,5 %); из которых 19 носили личное некалендарное имя финноязычного происхождения (среди них – *Игалко*, *Ускалко*, *Лембит*, *Кавит*, *Куллят*, *Исамель*). Среди патронимов наиболее распространены *Лембитов*, *Тойвуев*, *Кавгуев*, *Вихтуев*, *Игандуев*, *Ускалев*.

В Ижорском погосте зафиксированы 114 ойконимов с прибалтийско-финскими корнями – многие из них имеют в своей структуре неславянские антропонимы и / или формант *-л*. От антропонимов образованы наименования *Немборово*, *Талвуево*, *Гайкуево*, *Мандорово*, *Гаппуево*, *Виллуево* и др. В совокупности такие названия составляют 31 % от 364 ойконимов Ижорского погоста. Целый ряд наименований образован от гидронимов (преимущественно от названий рек), рядом с которыми располагались поселения.

В переписи жителей Ижорского погоста есть 44 человека с финноязычными антропонимами (4 %), из которых 24 имели личное некалендарное имя. Некоторые из них неоднократно повторялись: *Игола* (12), *Тоив* (3), *Лембит* (2), *Ускал* (1). В этом смысле антропонимикона Дудоровского и Ижорского погостов практически идентичны по своему составу. Из финнизированных календарных имен в Ижорском погосте известны личные имена *Артуй* < *Артеми*, *Илой* < *Илья*, *Селуй* < *Силуан*.

В Ярвосольском погосте записаны 33 прибалтийско-финских ойконима – 30 % от общего числа ойконимов погоста. Несколько ойконимов были образованы от гидронимов – деревни на *Ярвосоли* и *Агриселке*. Носители прибалтийско-финской антропонимии были немногочисленны: 10 человек (2,5 %).

Присутствие неславянского населения в южном Приневье и на Ижорском плато подтверждается археологически. Исследования В. В. Седова, Е. А. Рябины и О. И. Коньковой показали, что неславянские могильники, располагавшиеся в бассейнах рек Ижоры и Невы, на Ижорском плато, можно считать ижорскими [Седов 1953, 196]. Средневековые ижорские захоронения присутствуют в Ижорском, Дудоровском и Кипенском погостах [Конькова 2009, 41; Рябинин 1997, 74].

Таким образом, в Ореховском уезде было несколько областей, где концентрировалась прибалтийско-финская ойконимия и антропонимия: северное и южное Приневье (Корбосельский, Дудоровский и Ижорский погосты), а также южное Приладожье (Лопский и Теребужский погосты). Именно там археологическими источниками зафиксировано присутствие ижоры. В северном Приневье и южном Приладожье отмечается присутствие карелов. Славянский ономастический материал фиксируется на всем пространстве Ореховского и Ладожского уездов, но в наибольшей степени – в городах Орешке, Ладоге и их ближайшей округе.

Копорский, Ямской и Новгородский уезды

Центр уезда (город Копорье) был заложен рыцарями Ливонского ордена в 1240 г. в Копорском погосте. Топоним *Копорье* древнерусского происхождения, предположительно он происходит от глагола «копать» и означает «выкопанное место». В это время в районе будущего города Копорье проживала *водь*, ставшая объектом вооруженной агрессии Ливонского ордена и эстов [НПЛ 2000, 78]. С 40-х гг. XIII в. внимание Новгорода к побережью Финского залива стало более пристальным. Это привело к концентрации здесь славянского населения – «новгородцев», участвовавших в строительстве и функционировании крепости. В описании Копорья конца XV в. внутри города упоминаются всего 6 человек и 12 человек на посаде. Все они носили календарные имена в славянской форме. Копорский уезд состоял в конце XV в. из 15 погостов, в 9 из которых зафиксированы финноязычные топонимы и антропонимы. Наиболее высока их доля в Каргальском погосте, располагавшемся по южному берегу Финского залива от Сойкинского полуострова до устья реки Коваши. Некоторые ойконимы образованы от антропонимов и имеют славянские ойконимические черты в виде форманта -*во* / -*ево*: *Кумолово* (1), *Непуево* (2), *Нахкуево* (1). Деревни с одинаковым названием *Варьевалда* (3) получили свое наименование благодаря расположению вблизи *озера Варьевалдо*. Ойконимы *на Койдоме* (1) и *Удосол* также образованы от гидронимов (*Койдома*, *озеро Удосольское*). Название деревни *Вотской конец* (1) является сложным: в его состав входит неславянский этноним и одновременно славянский элемент в виде слова *конец*. В Водской пятине неоднократно встречаются деревни с подобными названиями (*Вотской конец*, *Лопской конец*, *Чудской конец*). Записаны деревни с этническими названиями: *Изоринское* (2), *Изори у монастыря* (1). Названия этих деревень, видимо, восходят к этнониму «ижора». Все указанные наименования деревень Каргальского погоста в общей сложности составляли 21 % от 87 названий деревень погоста.

Здесь же зафиксированы 110 носителей прибалтийско-финских антропонимов, 45 человек из этого числа носили личные имена; прочие 65 – носили патронимы. Отмечается 21 личное имя, восходящее к древним финским антропонимам *Iha* и *Toivottu* (15 и 6 соответственно). Указанные 110 человек составляли 13 % от записанных жителей Каргальского погоста. Это наиболее высокая доля прибалто-финнов среди населения погостов Копорского уезда. По абсолютным показателям численность жителей, записанных в Каргальском погосте и нареченных неславянскими антропонимами, максимальная на территории всей Водской пятины.

В погосте существовали также противоположные практики имянаречения: с одной стороны, детей продолжали называть некалендарными прибалтийско-финскими именами (*Захарко Панкратов да сын его Игалко*, *Ивантуйко Ибин да сын его Тойвол*, *Сидко Казимир да сын его Игалко*). С другой стороны, календарный именьник становится всё более функциональным: *Миккуй Конанов, сын его Сидорко*, *Климко Тязвин Ускалов, сын его Васко*, *Алексейко Ускалов да сын его Ивашко*, *Васко Модолов, да сын его Ивашко*, *Федотко Тенгуев, да сын его Яхно* и др. В рамках одной семьи могли встречаться и календарные, и некалендарные имена: *Игайло да Игнат Ескины*, *Тараско да Вильяк Грихновы*, *Игамас да Захар Юркины*, *Тойват да Яхно Ускаловы*, *Игнатко да Ричуй Ижеряне*. Встречаются также различные варианты записи одного и того же патронима: *Игамас Тимуев*, *Игамас Тимохин*. Очевидно, связано это с необходимостью дифференцировать людей с одинаковым личным именем и патронимом. В первом случае был записан прибалтийско-финский вариант патронима, во втором – славянский. Оба патронима были образованы от календарного имени *Тимофей*. Упоминания о занятиях «людей», носивших прибалтийско-финские имена в Каргальском погосте, единичны: это – *Бориско Тумасов рыболов* и братья *Игайло да Игнат Ескины, домники*.

На территории Копорского уезда прибалтийско-финская антропонимия фиксируется в Дятлинском (19 человек; 6,3 %), Кипенском (16 человек; 4 %) и Льешском (3 человека) погостах. Личные имена встречаются только в первых двух погостах, распространенных в финноязычной среде: *Игалко*, *Игамас*, *Лембит*, *Тойвут*. Единичные неславянские ойконимы фиксируются в большем числе погостов: в Дятлинском (*Кокуево Степановское*, *Куткуево Сиденье*, *Вилякинское*), Радчинском (*село Каибала, пожня Варбала*), Замошском (*деревня Суйжсела*), Кипенском (*Кондуево*), Суидовском (*Кюллюева Горка*), Зарецком (*Курковичи*), Григоровском (*Валитово*). На основании анализа антропонимии и ойконимии можно сделать вывод, что Каргальский погост был своего рода «анклавом» прибалтийско-финской антропонимии и ойконимии в Копорском уезде.

Погосты Ямского уезда располагались на южном побережье Финского залива, в нижнем течении реки Луги и на Кургальском полуострове, на границе с Шелонской пятиной. Центром уезда был город Яма, построенный новгородцами на Луге в 1384 г. [НПЛ 2000, 379]. С точностью определить

этнический состав Ямы на основе писцовых книг не представляется возможным. Материалы антропологии города, в котором проживали 332 человека, говорят о преобладании здесь календарных имен в славянской форме. Небольшое вкрапление прибалтийско-финских ономастических традиций позволяет говорить о смешанном составе населения. Вероятно, славяне в городе преобладали. Е. А. Рябинин указывал на то, что в городе Яма на рубеже XV–XVI вв. по археологическим данным можно предполагать присутствие значительного числа русских переселенцев (откуда – автор не уточнил) [Рябинин 1997, 42]. В городе проживали также 2 человека с прозвищем *Чудин* и один *Корелянин*. Такие прозвища могли использоваться в условиях этнической неоднородности населения города. Среди городских «людей средних» упомянут *Смешко Оксенов Муса*, носивший тюркское фамильное прозвание, среди «городчиков» – *Сенка Мустафа Шереметевской*.

Ополецкий и Толдожский погосты именуется также погостами «в Чуди». Специфика их этнического состава отражена в дополнении к названию, происходящем от этнонима «чудь». В Толдожском погосте отмечается 99 носителей прибалтийско-финских антропонимов, причем 33 из них – носители личных имен. По абсолютным показателям Толдожский погост среди погостов Водской пятины занимает второе место по численности жителей, носивших прибалтийско-финские личные имена и патронимы. При этом стоит учитывать, что Толдожский погост был значительно заселен и имел большую плотность населения: в писцовую книгу внесены имена 492 человек. При этом носители неславянских антропонимов составляли 20 % от общего числа «людей» погоста.

Среди личных имен встречаются *Аввус, Вильят, Вихтуй, Вишуй, Игайло, Игалко, Игамас, Каллей, Лембей, Лембитко, Миллуй, Няпуй, Тимуй, Тойвас, Тойват, Тойвот, Тошуй, Тялюй*. Подавляющее большинство прибалтийско-финских антропонимов принадлежит совершеннолетним крестьянам, записанным в писцовую книгу. У большинства крестьян дети наречены календарными именами в славянской форме, например: *Тимуй Савин, сын его Филипко, да его ж сын Гаврилко; Мешуйко Алюев, сын его Матфейко; Игайло Вандуев, сын его Семешко; Тойвас Лемпиев, сын его Исачко; Анней Лемекуев, сын его Михалко; Онанья Якуев, сын его Савка; Максимко Увикасов, сын его Гридка; Яшко Виллуев, сын его Тимоха; Вишиуй Лавров, сын его Микитка; Игнат Лиллуев, сын его Палка*. Есть и противоположная традиция имянаречения, когда у отца записано календарное имя, а у детей – некалендарное: *Онкипко Ильин, дети его Степанко да Тойват, Петрок Лутьянов, сын его Игамас*. Однако тенденция календарного имянаречения здесь все-таки явно преобладает.

Писцовая книга дает некоторую информацию о занятиях населения, носящего прибалтийско-финские имена. Так, упоминаются «Тимоха да Олексейко Вихтеевы дети кузнецы, Олексейко Чуллуев, Игайло Вандуев, сын его Семешко, кузнецы», «Пантелейко Увикасов кузнец», «Палка Лешшуев домник», «Юреча Чюдин, сын Петруша, домники, Игала Юречин» [НПК 1868, 907, 909, 929]. Разделение ремесленников по виду деятельности позволило исследователям предположить, что доменный и кузнечный промыслы существовали в Толдожском погосте отдельно [Аграрная история... 1971, 212].

Свидетельством присутствия в Толдожском погосте прибалто-финнов являются данные ойконимии: «Село Ранола: дв. Ондрейко Тайчасов, Данилко Игавелев, Пантелейко Игавелев... Васко Увикасов, Максимко Увикасов..., Михал Авусов», «В великого князя селе в Пилоле: дв. Бориско Игамелов, сын его Матфейко, Тимошко да Остапко Игамелевы, Данилко Акуев», «В великого князя селе в Виликине: дв. Симанко Аппуев, Якуш Аппуев, Якуш Асуев, сын его Калей, Палка Игантов, Максимко Игантов, Аввус Виллуев... Тойвот Рядянов» [НПК 1868, 911, 916, 922]. К прибалтийско-финским можно отнести ойконимы *Пилола, Ранола, Виликино, Войносола, Рудьела Новая, Рудьела Старая, Кикин Бор у Вичасова, Вилуево, Каккуево*. Все указанные ойконимы представляют 19 % ойконимов Толдожского погоста.

В Ополецком погосте прибалтийско-финские имена единичны, все они являются личными (*Тойвас Труфанов, Ягамас Палкин, Тойвас Олферов*). Из неславянских ойконимов упоминается *сельцо Торма*. В Ямском околородье зафиксированы 18 носителей прибалтийско-финских антропонимов, из них 4 человека имели неславянское личное имя (*Тойват Чюдин, Сакуй Захаров, Лембит Толжанин, Игалтас Остаиков*). В Ямском околородье записаны 154 человека, т. е. прибалто-финны здесь составляли 12 % от общего числа «людей» писцовых книг. Немногочисленны аналогичные имена и патронимы в Радчинском погосте Ямского уезда – там записаны 16 человек, составлявшие 6,5 % от числа всех записанных жителей. Из них 11 носили личные имена прибалтийско-финского происхождения. Большая часть их носителей проживала в двух поселениях, по всей видимости, расположенных рядом: «Селцо Коровье: дв. Викас Костин, Ребуса Костин, Игачей Демехов, дети его Пихтуй да Лембейко. Дер. Захонье: Кушуй Филипов, Тошуй Сидков, Кашуй Тойвотов, сын его Федко, Лембит Сидков» [НПК 1868, 956]. Среди неславянских ойконимов погоста стоит упомянуть названия *Кайбала, Валья, Андино*.

Итак, прибалтийско-финская антропонимия, зафиксированная в Ямском уезде, наиболее многочисленна в Толдожском погосте, Ямском околородье и Радчинском погосте. Вместе с антропонимией встречается прибалтийско-финская ойконимия. Внимание привлекают несколько поселений Ямского уезда с названием *Клин*: это деревни *Клин Кряково*, *Клин Падинога* и *сельцо Клин*. Некоторые исследователи связывают этноним «водь» с прибалтийско-финским словом *vakja*, обозначающим «кол» или «клин» [Дмитриев 2007, 111; Конькова 2009, 61]. Такую связь подмечали и сами вожане: так, в 1926 г. житель деревни Ичяпьявья (Иципино) рассказывал: «Наш народ называется *вадьлайзет*, а на краях огорода и поля вбит пограничный столб – *вадьа*» [Ленсу 1930, 286]. Если принять эту точку зрения, то вышеперечисленные ойконимы *Клин* имели этническую природу и указывали на присутствие водского населения в деревнях.

Данные археологических исследований 1980–2000-х гг. коррелируют с показаниями писцовых книг. Исследования могильников, проведенные О. И. Коньковой, подтверждают значительное присутствие воды в «чудских» погостах [Конькова 2009, 38]. Е. А. Рябинин на обширном археологическом материале показал, что именно на территории «чудских» погостов были обнаружены собственно водские средневековые погребения: бескурганые могильники с набором типичных водских предметов [Рябинин 2001, 71–74]. Раскопки у д. Войносолово (село *Войносола* Толдожского погоста) позволили выявить не менее 138 захоронений XIII–XV вв. [Рябинин 1997, 43]. Анализ средневековых захоронений в Толдожском и Ополецком погостах позволил Е. А. Рябинину утверждать, что население «чудских» погостов сохранило своеобразный этнический облик материальной культуры и специфические черты погребального обряда. Возможно, в этот «чудской» анклав входила западная часть Каргальского погоста [Конькова 2009, 38].

В Новгородском уезде прибалтийско-финская антропонимия немногочисленна. Она встречается в Тигодском (14 человек, 2 %), Солецком (3), Кречневском (2), Гдитцком (1) и Городенском (1) погостах. В Тигодском погосте отмечены также деревни с прибалтийско-финскими названиями: *Пелгора* (2), *Пелкуи* (2), *Уевала*, *Хомтинское Теруево*, *Камуево*. В Новгородском уезде Водской пятины корреляция между прибалтийско-финской антропонимией и ойконимией наблюдается только в Тигодском погосте. Этот погост был расположен на границе с Ижорским и Ярвосольским погостами, где концентрировалась прибалтийско-финская (ижорская) антропонимия и ойконимия. В свою очередь Солецкий погост граничил на севере с Лопским погостом. Это позволяет утверждать, что погосты побережья Финского залива (Каргальский), южного Приневья (Ижорский и Ярвосольский), южного Приладожья (Лопский погост) и ряд погостов Новгородского уезда были частью единого пространства, на котором проживала ижора. Водь занимала в основном территории «чудских» погостов и Ямского околородья, а также часть Каргальского погоста и район Копорья. Точные границы проживания этнических групп установить не представляется возможным по ряду причин: этого не позволяет сделать, во-первых, генетическое сходство водских и ижорских именованных и, во-вторых, значительная доля славянских именованных в этом регионе.

Есть некоторые данные об особенностях социальной организации населения ижорских и водских погостов. Эти данные связаны с упоминанием десятских в Водской пятине. В Городенском погосте Ореховского уезда находилось село с финноязычным названием *Лахта* (*Lahti*), относившееся к одноименной великокняжеской волости. В этом селе проживал десятский *Микулка Якушов* с сыновьями *Тараской* и *Ивашкой*, при этом показательно, что в селе насчитывалось ровно 10 дворов. Десятский *Нестерик Ивашков* жил в деревне *Игнатово Кайлегола* Куйвашского погоста. Деревня состояла из двух дворов. В селе *Лисичье в Карине Носу* Корбосельского погоста было 28 дворов, 7 из которых занимали люди с прибалтийско-финскими именами. В одном из дворов жил десятский *Офонас Спиоров*. В состоящей из 6 дворов деревне *Сатула* Дудоровского погоста совместно с *Нестериком Онтушовым* проживал десятский *Илейка*. Название деревни имеет прибалтийско-финскую форму; один из жителей (*Лембит Федков*) – носил древнее некалендарное имя. В деревне *Ялгуево* проживал десятский *Савва Федков*; всего в этой деревне было 3 двора. Деревня на *Киале* Ижорского погоста включала единственный двор десятского *Максимка Федкова* и его сыновей – *Ивашка* и *Семенка*. Деревня на *Саюле Сипино на реце на Ижере* также состояла из одного двора десятского и его сына. Примечательно, что он носил некалендарное личное имя – *Игала*; при этом его патроним (*Ескин*) и имя его сына (*Игнат*) были календарными. Десятские записаны в двух погостах «в Чуди». В селе *Кёрстово* Ополецкого погоста, где находилось 20 дворов, проживал десятский *Палка*. В этом же селе жили *Ягамас*, *Мелех* и *Микитка Палкины*. Первый из трех братьев носил прибалтийско-финское некалендарное имя, у остальных были христианские имена. В селе *Пумалицы* Толдожского погоста было за-

писано 26 дворов. В отдельном дворе жил десятский *Олешка Онашкин* с сыном *Степанком*, однако в этом поселении жителей с прибалтийско-финскими именами нет.

Таким образом, выясняется, что в деревнях и селах, где проживало прибалтийско-финское население, существовала так называемая децимальная система, низшей руководящей прослойкой которого были десятские. Как показывают антропонимия и ойконимия, некоторые десятские, должно быть, сами принадлежали к води и / или ижоре. Некалендарное имя и принадлежность к неславянскому населению вовсе не были препятствием для занятия должности десятского. Десятские Водской пятины жили как в многодворных селах, так и в деревнях; если деревни были однодворными – то отдельно от остальных жителей. Как показывает писцовая книга, десятские ничем не отличались от рядовых крестьян в плане повинностей: они платили оброк великому князю в денежной и натуральной формах. Это свидетельствует о том, что водские и ижорские крестьяне не отличались своей социальной организацией от славян и были инкорпорированы в социальную систему Новгородской земли. Существование в Новгороде децимальной организации прослеживается не только по писцовым книгам конца XV в. Следы этой системы отмечены уже в более ранний период, в XII–XIII вв.: система расширяется и укрепляется в тесной связи с развитием княжеского хозяйства [Древняя Русь... 2008, 328, 424].

О водской и ижорской знати сообщает Новгородская первая летопись. Так, во время войны с немцами в 1444 г. «новгородци послаша селниковъ луских и вочких и ижерьских боярь наперед, а сами хотеша ити с ними за Нарову воевати съ княземъ Иваномъ Володимировичемъ» [НПЛ 2000, 424]. Текст летописи интерпретируется исследователями по-разному. По мнению А. Н. Насонова, новгородцы отправили «селников луских и вочких, и ижерьских боярь», т. е. лужских и водских «сельников» с ижорскими боярами [Насонов 2006, 120]. П. В. Лукин интерпретировал известие иначе, как отправку новгородцами «селников луских, и вочких и ижерьских боярь», т. е. лужских жителей (но не крестьян или сельских жителей) с водскими и ижорскими боярами [Лукин 2011, 65]. Этот вариант представляется более корректным, поскольку в Новгородской земле известно Лужское село [НПЛ 2000, 379].

То, что жители Лужского села названы «сельниками», вовсе не означает, что все они были крестьянами. Во-первых, слово «сельник» в древнерусских текстах может иметь широкое значение «житель» [СРЯ 2000, 49]. Во-вторых, поход 1444 г. задумывался как дальний, с переходом более одного дня. В таком походе предпочтение отдавалось коннице и воинам с хорошим вооружением, а не крестьянской пехоте. Это подтверждается словами летописи о том, что «начаша кони мрети в городе и по волостем велми много», так что в итоге поход был отложен [НПЛ 2000, 424]. Военные сборы «до последнего пешца» в XV в. были явлением крайне редким и экстренным [Быков 2006, 73]. С военной точки зрения набор крестьян в ополчение не оправдывал себя ввиду низкого уровня профессионализма. Таким образом, жители Лужского села, упомянутые вместе с водскими и ижорскими боярами, вряд ли все были крестьянами. Среди них, должно быть, преобладали «вятские мужи», способные обеспечить себя боевым конем и вооружением. Однако есть известия, что у Новгорода всё же были планы использовать пеших воинов в походе 1444 г. Так, письмо наместника Выборга Карла Кнутссона от 20 мая 1444 г. сообщает, что новгородцы готовили морской поход против Нарвы, собираясь послать туда на ладьях 2500 человек [Казакова 1975, 68].

Из приведенного летописного отрывка следует ряд важных выводов. В середине XV в. у води и ижоры имеется своя знать, которая именуется по новгородскому образцу «боярами». Эта знать наряду с жителями, сидевшими по р. Луге, была инкорпорированной в новгородскую военную и, следовательно, социально-политическую систему. Место финноязычной знати и лужских «сельников» определяется как подчиненное по сравнению с горожанами Новгорода. Войском распоряжаются именно новгородцы, а жители Лужского села и знать исполняют принятое решение. В этой ситуации не приходится говорить о войске, состоящем из равноправных «общинников».

По мнению Д. В. Верховцева, известие о водских и ижорских боярах носит не этнокультурные, а административно-территориальные коннотации [Верховцев 2016, 72]. Теоретически наличие таких коннотаций возможно, но в данном случае это мнение не подкреплено аргументами. Между тем наличие знати и военной организации прослеживается у прибалтийско-финских этносов гораздо ранее, причем не только у води и ижоры, но и у эстов. Так, в 1344 г. «бысть мятежь за Наровою великь: избиша Чюдь своихъ боярьъ земьских, и въ Колываньской земли и в Ругодивской волости, 300 ихъ» [НПЛ 2000, 357]. Поэтому можно усматривать в летописных водских и ижорских боярах неславянскую знать.

Таким образом, анализ описания Копорского, Ямского и Новгородского уездов Водской пятины позволяет сделать вывод, что прибалтийско-финская ономастическая традиция концентрировалась прежде всего в Толдожском и Каргальском погостах. Эта область ограничивается долинами рек Толдоги, Сумы и Сисы, северо-западной частью Ижорского плато и Сойкинскими высотами. Тол-

дожский, соседний Ополецкий и отчасти Каргальский погосты, судя по археологическим данным, были местом компактного расселения води.

ЛИТЕРАТУРА

- Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Л.: Наука, 1971. 402 с.
- Быков А. В. Новгородское войско XI–XV веков: дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2006. 318 с.
- Верховцев Д. В. Ускользящий этноним: ижора в письменных источниках // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт: Сб. статей. СПб.: Европейский дом, 2016. С. 70–77.
- Гадзяцкий С. С. Ижорская земля в начале XVII в. // Исторические записки. М.: АН СССР, 1947. Т. 21. С. 3–42.
- Дмитриев А. В. Водская топонимика в историко-культурном аспекте // Псковский регионологический журнал. 2007. № 4. С. 110–118.
- ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846. Т. 1. 446 с.
- Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М.: Индрик, 2008. 480 с.
- Захарова Е. В. Интеграция субстратных прибалтийско-финских топонимов в русскую топонимическую систему Восточного Обонежья: дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2015. 234 с.
- Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Л.: Наука, 1975. 357 с.
- Кильдошевский В. И. Карельские вещи из раскопок древнего Орешка // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб.: ИИМК РАН, 2008. Вып. 2. С. 75–87.
- Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, 1984. 273 с.
- Кирпичников А. Н. Приладожская лопь // Новое в археологии СССР и Финляндии: Сб. докладов III советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 11–15 мая 1981 г. Л.: Наука, 1984. С. 137–144.
- Кирсанов Н. О. Предшественники *ы* в русской топонимии Ингерманландии // *Linguistica Uralica* XLIII. 2007. № 3. С. 211–217.
- Конькова О. И. Водь: Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2009. 252 с.
- Конькова О. И. Ижора: Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2009. 248 с.
- Кулешов С. В. «Лопьская» проблема и топонимы южного Приладожья // Староладожский сборник. СПб.: Нестор-История, 2001. Вып. 4. С. 56–66.
- Ленсу Я. Я. Материалы по говорам води // Западнофинский сборник. Вып. 16. Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Л.: АН СССР, 1930. С. 201–305.
- Лукин П. В. Существовало ли в Древней Руси народное ополчение? Некоторые сравнительно-исторические наблюдения // Средневековая Русь: Сб. статей. М.: Индрик, 2011. Вып. 9. С. 47–98.
- Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. СПб.: Наука, 2006. 416 с.
- НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
- НПК – Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1868. Т. 3. 960 стб.
- Новожилов А. Г. Этническая история междуречья Волхова и Наровы XV–XVI вв.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. 248 с.
- Новожилов А. Г. Этническая ситуация на Северо-Западе Новгородской земли в XV–XVI вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2004. № 1–2. С. 79–92.
- ПОКНВП – Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года // Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. М.: Университетская тип., 1851. Кн. 11. С. 1–464.
- Попов А. И. Следы времён минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л.: АН СССР, 1981. 206 с.
- Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований, 1971–1991 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 259 с.
- Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских культурных связей: Историко-археологический очерк. СПб.: СПбГУ, 1997. 260 с.
- Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.) // Советская археология. 1953. № 18. С. 190–229.
- Сорокин П. Е. Археологическое изучение средневековых памятников в Приневье. Новые данные по археологии ижоры // Археологическое наследие Санкт-Петербурга: Сб. статей. СПб.: ИИМК РАН, 2008. Вып. 2. С. 88–127.
- Сорокин П. Е. Раскопки ижорских могильников в бассейне реки Невы // Записки ИИМК РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Вып. 1. С. 94–111.

Поступила в редакцию 04.04.2020

Чибисов Борис Игоревич,
кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
170021, Россия, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, 24
E-mail: Chibisov.BI@tversu.ru

B. I. Chibisov

**ETHNIC COMPOSITION OF THE POPULATION OF THE NORTHWESTERN DISTRICTS
OF THE NOVGOROD LAND AT THE END OF THE 15TH CENTURY**

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-3-528-539

The article is devoted to the analysis of the ethnic composition of the population of the north-western districts of Novgorod land according to the toponymy and anthroponymy of the cadastres of the Vodskaya Pyatina 1499/1500. Orekhovskiy district had several areas where the Baltic-Finnic oikonyms and anthroponyms were concentrated – these were Korboselsky district in the north of the Neva, Lopsky and Terebuzhskiy districts in the southern Ladoga, as well as Dudorovskiy and Izhora districts south of the Neva. The presence of Karelians is noted in the north of the Neva and in southern Ladoga. On the southern coast of Ladoga there were districts of the Ladoga district, where the Baltic-Finnish oikonymy is also found. Its percentage is declining to the east, towards the city of Ladoga. An analysis of the cadastres of the Koporsky, Yamsky and Novgorod districts allows us to conclude that the Baltic-Finnic onomastic tradition was concentrated primarily in the Toldozhskiy and Kargalskiy districts. This area is bordered by the valleys of the rivers Toldoga, Suma and Sista, the north-western part of the Izhora plateau and the Soikinskiye hills. Slavic naming prevailed throughout the Vodskaya Pyatina. It turns out that in the villages where the Baltic-Finnish population lived, there was the so-called decimal system, the lowest governing layer of which was the decimal. As anthroponymy and oikonymy show, some of the decimals must have belonged to Votes and Izhora. In the middle of the 15th century Votes and Izhora had their own nobility, which is called «bo-yars». This nobility was incorporated into the socio-political system of Novgorod.

Keywords: Novgorod Land, Vodskaya Pyatina, cadastres, Baltic-Finnic peoples, Votes, Izhora, Karelians, onomastics, anthroponymy, toponymy

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 3, pp. 528–539. In Russian.

REFERENCES

- Agrarnaia istoriia Severo-Zapada Rossii. Vtoraia polovina XV – nachalo XVI v.* [Agrarian history of the North-West of Russia. The second half of the 15th – the beginning of the 16th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1971. 402 p. In Russian.
- Bykov A. V.** *Novgorodskoe voisko XI–XV vekov: Dis. kand. ist. nauk* [Novgorod army of the 11th – 15th centuries. Cand. hist. sci. diss.]. Velikii Novgorod, 2006. 318 p. In Russian.
- Dmitriev A. V.** Vodskaia toponimika v istoriko-kul'turnom aspekte [Toponyms of Vod' in the historical and cultural aspect]. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Regional Journal], 2007, no. 4, pp. 110–118. In Russian.
- Dopolneniia k aktam istoricheskim, sobrannyye i izdannyye arkhograficheskoy komissiiyey* [Additions to historical acts, collected and published by the archaeological commission]. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniia Sobstvennoy Ye. I. V. Kantselyarii; 1846. Vol. 1. 446 p. In Russian.
- Drevniaia Rus': ocherki politicheskogo i sotsial'nogo stroia* [Ancient Russia: essays on the political and social system]. Moscow, Indrik Publ., 2008. 480 p. In Russian.
- Gadziatskii S. S.** Izhorskaia zemlia v nachale XVII v. [Izhora land at the beginning of the 17th century]. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes], 1947, vol. 21, pp. 3–42. In Russian.
- Kazakova N. A.** *Russko-livonskie i russko-ganzeiskie otnosheniia* [Russian-Livonian and Russian-Hanseatic relations]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 357 p. In Russian.
- Kil'diushevskii V. I.** Karel'skie veshchi iz raskopok drevnego Oreshka [Karelian remains from the excavations of the ancient city of Oreshek]. *Arkheologicheskoe nasledie Sankt-Peterburga* [Archaeological Heritage of St. Petersburg]. St. Petersburg, 2008, issue 2, pp. 75–87. In Russian.
- Kirpichnikov A. N.** *Kamennye kreposti Novgorodskoi zemli* [Stone fortresses of Novgorod land]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 273 p.
- Kirpichnikov A. N.** Priladozhskaia lop' [Lapps of the Ladoga coast]. *Novoe v arkheologii SSSR i Finliandii: Sb. dokladov* [New in the archeology of the USSR and Finland: collection of reports]. Leningrad, 1984, pp. 137–144. In Russian.
- Kirsanov N. O.** Predshestvenniki y v russkoi toponimii Ingermanlandii [The predecessors of y in the Russian toponymy of Ingermanland]. *Linguistica Uralica* XLIII, 2007, no. 3, pp. 211–217. In Russian.

Kon'kova O. I. *Vod': Ocherki istorii i kul'tury* [Vod': Essays on history and culture]. St. Petersburg, MEA RAS Publ., 2009. 252 p. In Russian.

Kon'kova O. I. *Izhora: Ocherki istorii i kul'tury* [Izhora: Essays on history and culture]. St. Petersburg, MEA RAS Publ., 2009. 248 p. In Russian.

Kuleshov S. V. «Lop'skaia» problema i toponimy iuzhnogo Priladozh'ia [The problem of «Lop'» and toponyms of the South Ladoga]. *Staroladozhskii sbornik* [Old Ladoga collection]. St. Petersburg, 2001, issue 4, pp. 56–66. In Russian.

Lensu Ia. Ia. *Materialy po govoram vodi* [Materials on the dialects of Vod']. *Zapadnofinskii sbornik* [West Finnish collection]. Vyp. 16. Leningrad, 1930, issue 16, pp. 201–305. In Russian.

Lukin P. V. *Sushchestvovalo li v Drevnei Rusi narodnoe opolchenie? Nekotorye sravnitel'no-istoricheskie nabludeniia* [Did a militia exist in Ancient Russia? Some comparative historical observations]. *Srednevekovaia Rus': Sb. statei* [Medieval Russia: Collection of articles]. Moscow, 2011, issue 9, pp. 47–98. In Russian.

Nasonov A. N. «Russkaia zemlia» i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva: *Istoriko-geograficheskoe issledovanie. Mongoly i Rus': Istoriiia tatarskoi politiki na Rusi* [«Russian land» and the formation of the territory of Old Russian State: Historical and geographical research. Mongols and Russia: History of the Tatar politics in Russia]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 416 p. In Russian.

Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Novgorod First Chronicle in the Elder and the Younger redactions]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. 720 p. In Russian.

Novgorodskiy pistovyye knigi, izdannyye Arkheograficheskoy komissiyey [Novgorod scribal books published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg, V. Bezobrazov Publ., 1868. Vol. 3. 960 col. (In Russian)

Novozhilov A. G. *Etnicheskaya istoriia mezhdurech'ia Volkhova i Narovy XV–XVI vv.: Dis. kand. ist. nauk* [The ethnic history of the interfluvium of the Volkhov and the Narova of 15th–16th centuries]. St. Petersburg, 2000. 248 p. In Russian.

Novozhilov A. G. *Etnicheskaya situatsiia na Severo-Zapade Novgorodskoi zemli v XV–XVI vv.* [Ethnic situation in the North-West of Novgorod land in 15th–16th centuries]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta: Istoriiia* [Bulletin of St. Petersburg University: History], 2004, no. 1–2, pp. 79–92. In Russian.

Perepisnaya okladnaya kniga po Novgorodu Vodskoy pyatiny. 7008 goda [Census book on Vodskaya Pyatina of Novgorod. 7008 year]. *Vremennik imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey Rossiyskikh* [The Temporary of Imperial Moscow Society of Russian history and antiquities]. Moscow, 1851, issue 11, pp. 1–188. In Russian

Popov A. I. *Sledy vremen minuvshikh: Iz istorii geograficheskikh nazvanii Leningradskoi, Pskovskoi i Novgorodskoi oblastei* [Traces of past times: From the history of geographical names Leningrad, Pskov and Novgorod regions]. Leningrad, AS USSR Publ., 1981. 206 p. In Russian.

Riabinin E. A. *Vod'skaia zemlia Velikogo Novgoroda (rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy, 1971–1991 gg.)* [Vod' Land of Novgorod the Great (results of archaeological research, 1971–1991)]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2001. 259 p. In Russian.

Riabinin E. A. *Finno-ugorskie plemena v sostave Drevnei Rusi: K istorii slaviano-finskikh kul'turnykh svyazei: Istoriko-arkheologicheskii ocherk* [Finno-Ugric tribes as part of Ancient Russia: On the history of Slavic-Finnish cultural ties: Historical and archaeological essay]. St. Petersburg, SPbSU Publ., 1997. 260 p. In Russian.

Sedov V. V. *Etnicheskii sostav naseleniia severo-zapadnykh zemel' Velikogo Novgoroda (IX–XIV vv.)* [The ethnic composition of the population of the northwestern lands of Novgorod the Great (IX – XIV centuries)]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], 1953, no. 18, pp. 190–229. In Russian.

Sorokin P. E. *Arkheologicheskoe izuchenie srednevekovykh pamiatnikov v Prinev'e. Nove dannye po arkheologii izhory* [Archaeological study of medieval remains in the Neva river basin. New data on the archeology of Izhora]. *Arkheologicheskoe nasledie Sankt-Peterburga: Sb. statei* [Archaeological Heritage of St. Petersburg]. St. Petersburg, 2008, issue 2, pp. 88–127. In Russian.

Sorokin P. E. *Raskopki izhorskikh mogil'nikov v basseine reki Nevy* [Excavations of Izhora burial grounds in the Neva river basin]. *Zapiski IIMK RAN* [Notes of IHMC RAS]. St. Petersburg, 2006, issue 1, pp. 94–111. In Russian.

Verkhovtsev D. V. *Uskol'zaiushchii etnonim: izhora v pis'mennykh istochnikakh* [Elusive ethnonym: Izhora in written sources]. *Severo-Zapad: etnokonfessional'naya istoriia i istoriko-kul'turnyi landshaft: Sb. statei* [Northwest: ethno-confessional history and historical and cultural landscape: Collection of articles]. St. Petersburg, 2016, pp. 70–77. In Russian.

Zakharova E. V. *Integratsiia substratnykh pribaltiisko-finskikh toponimov v russkuiu toposistemu Vostochnogo Obonezh'ia: Dis. kand. filol. nauk* [Integration of substrate Baltic-Finnish toponyms in Russian toposystem of East Obonezhie. Cand. philol. sci. diss.]. Petrozavodsk, 2015, 234 p. In Russian.

Received 04.04.2020

Chibisov Boris Igorevich,
Candidate of History, Associate Professor
Tver State University
2ya Griboedova st., 24, Tver, 170021, Russian Federation
E-mail: Chibisov.BI@tversu.ru